

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ И. КАНТА

Еремеева Наталья Владимировна,

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин,
Могилёвский институт МВД Республики Беларусь

Аннотация. В статье анализируется проблема воспитания добродетели в моральном учении И. Канта. Добродетели можно научить, поэтому уместно прочтение моральной доктрины Канта как педагогического императива, адресованного как ученику, так и самому учителю. Образ учителя в этической дидактике Канта приобретает архетипические черты мудреца и морального аскета, что роднит его с Сократом, Эпикуром и религиозными учителями. Пример учителя, его образцовый образ жизни, «неизменно радостный дух» при выполнении своих обязанностей – это доказательство исполнимости того, что сообразно с долгом. Долг – цель и обязанность совершенствовать свою природу, чтобы научиться поступать в соответствии с добродетелью – рассматривается как культура человека в отношении самого себя, общества и всего мира, предстаёт как цивилизованность, образованность, воспитанность и забота о чужом блаженстве как собственной цели. Долг является истинным мотивом человеческой добродетели, которая, в свою очередь, делает возможным возникновение и функционирование цивилизации в истинном смысле как мирной общности всех народов Земли.

Ключевые слова: Иммануил Кант; «Метафизика нравов»; этика; долг; добродетель; культура; воспитание; моральное учение.

PEDAGOGICAL IMPERATIVE OF I. KANT

Eremeeva Natalya V.

PhD in Philosophy, Cand. of Sciences, Senior Lecturer
of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of Republic of Belarus

Abstract. The article analyzes the problem of upbringing of virtue in the moral teaching of I. Kant. Virtue can be taught, so it is appropriate to read Kant's moral doctrine as a pedagogical imperative addressed to both the student and the teacher himself. The image of a teacher in Kant's ethical didactics acquires the archetypal features of a sage and moral ascetic, which makes him similar to Socrates, Epicurus and religious teachers. The example of a teacher, his exemplary lifestyle, his "consistently joyful spirit" in the performance of his duties is proof of the feasibility of what is in accordance with duty. Duty - the goal and obligation to improve

one's nature in order to learn to act in accordance with virtue – is considered as a person's culture in relation to himself, society and the whole world, appears as civilization, education, good manners and concern for the happiness of others as one's own goal. Duty is the true motive of human virtue, which, in turn, makes possible the arising and functioning of civilization in the true sense as a peaceful community of all peoples of the Earth.

Keywords: Immanuel Kant; “Metaphysics of Morals”; ethics; duty; virtue; culture; upbringing; education; moral teaching.

Актуальность проблемы воспитания, прежде не нуждавшаяся в обосновании, в эпоху перемен была поставлена под сомнение. Тем не менее, наряду с «искусством управлять» самым трудным из всех придуманных человечеством областей творчества следует считать «искусство воспитывать и обучать», замечает Иммануил Кант [1]. В данной статье рассматривается императивное основание воспитания как производства человека, анализируется его методика и обосновывается вывод о том, что воспитание культурного человека – прежде самого воспитателя, а затем ученика, с необходимостью должно предшествовать всякой другой практике строительства общества. При написании статьи использовались методы сравнительного и текстологического анализа, компаративистский метод и интерпретация.

Заключением к первой части «Метафизики нравов», и это положение с полным основанием можно рассматривать как предпосылку ко второй, является обоснование тезиса о том, что если существование или несуществование чего-либо недоказуемо, это ещё не означает, что данное нечто не может служить моральной целью [2, с. 423]. В рамках данной работы нам был необходим ответ на вопрос, можно ли вообще воспитать добродетельным человека, в чьём сердце заключено злое начало и склонность ко злу является его собственным свободным выбором [3, с. 175–176; 33]. Священное Писание и разум, согласно Канту, приходят к одному и тому же выводу – зло в человеке не является его испорченности в основе своей, следовательно «так как падение от добра ко злу ...не более понятно, чем восхождение от зла к добру, то нельзя оспаривать возможность последнего» [3, с. 47].

Вооружившись этим обнадеживающим выводом, обратимся к «космополитизму» Канта как стратегии преодоления войны в мире и возвращения политеса в себе. М. Мамардашвили называет Канта французским [4, с. 4], в том смысле, что он элегантен – штамп, обозначающий вежливость и воспитанность, светскость – качества,

способствующие миру и примирению, противоположные злу. Идея разума о мирной общности всех народов Земли, *ius cosmopolitanum* всех граждан мира [2, с. 419] начинается с обладания «цивилизованностью», под которой понимаются манеры, принятые в обществе. Стремление просвещать молодёжь с позиции образования и цивилизованности является у Канта – и у всякого умного и вежливого человека любой национальности, страны и эпохи – абсолютным императивом, обязанностью перед потомками, желающими учиться и пользоваться знаниями столь же разумно [4, с. 7]. Таким образом, практика воспитания и обучения неотъемлема от теории высшего политического блага, то есть вечного мира.

В. Соловьёв, русский философ, немало изучавший Канта, устами своего Политика высказал упрёк всем сторонникам теоретизирования о высшей морали, никак при этом не способным на практике овладеть одной единственной добродетелью – вежливостью, как условием всякой культурности, которая позволяет жить по-человечески. Прагматическая ценность вежливости несомненна как в жизни человека, так и в отношениях между государствами, «в общей культурной жизни», в будущем без войн [5, с. 669–679]. И Кант говорил о необходимости культивации средств, ведущих к общему благу мира, а именно, к этим средствам он относил приятность в общении, терпимость, приветливость, гостеприимство, мягкость – словом, «присовокупление грации к добродетели как саму обязанность добродетели» [6, с. 229]. При этом Соловьёв демонстрирует видимую дегенерацию нравственного учения Канта – без возвышения вежливости в ранг абсолютного правила, обусловленного принципом добродетели, мы получаем циничное стремление к удовольствию, прямо противоположное нравственному порядку, более того, ведущее к «эвтаназии всякой морали» [6, с. 21]. В этом отношении прогресс действительно становится симптомом конца [5, с. 700–702] самой цивилизации, отторгающей свой собственный корень.

Какова же истинная культура с точки зрения моральной философии Канта? Учение о добродетели Канта делает возможным провести различие между обычным разумным человеком и святыми – святость можно понимать как автономию практического разума, тогда как человек может достичь лишь автократии практического разума, каковая есть добродетель [6, с. 31]. Оговорившись, что одними лишь упражнениями и навыком морально поступать добродетель не определяется и далеко не исчерпывается, философ называет идеал человеческой добродетели – это мудрец. Два признака добродетели мудреца – она результат воздействия

обдуманых, твёрдых и всё более чистых основоположений, и она сама чиста, то есть совершенно свободна от влияния всех чужеродных мотивов, кроме мотивов долга [6, с. 33].

Долг также можно мыслить в двух ипостасях. Во-первых, долг как культура рассудка – это необходимость расстаться со своей звериной сущностью, это целеполагание, способность внимать наставлениям и исправлять ошибки. Во-вторых, долг как культура воли – это способность соответствовать всякой обязанности вообще, когда культура воли может делать своим предметом эту обязанность и поступать согласно ей и как обязанности, и как цели. В нравственном отношении долг – это одновременно и цель, и обязанность совершенствоваться. Совершенство человека не дано природой, совершенство – это культура, и вполне в античном ключе рассуждает здесь Кант, когда говорит о культуре человеческой природы [6, с. 39–41].

Требования философа к человеку достаточно высоки, но не завышены и далеко не новы. Кант в «Метафизике нравов» говорит о чужом блаженстве как собственной цели, достижение которой должно быть долгом. Платоновский Сократ учил заботиться о себе самом, чтобы постичь истину собственной сущности, прежде чем заботиться о других, занимаясь политикой [7]. Эта связь субъекта и истины, ещё до недавнего времени мало осмысленная в истории европейской философии [8, с. 14], составляет, тем не менее, основу любой практики разумной жизни – культурной, человеческой, в кантовском смысле. Она проходит красной нитью от античной «заботы о себе» через религиозное исповедание вплоть до «события мысли» М. Мамардашвили [9]. И далеко не случайно во всех этих сюжетах место учителя – Сократа, священника, мудреца, преподавателя – остаётся «королевским местом» [10, с. 334].

«То, что добродетели можно и должно учить, следует уже из того, что она не прирождена; стало быть, учение о добродетели есть доктрина» [6, с. 231]. Эти слова Канта предвзвешивают раздел этической дидактики в «Метафизике нравов». Как именно учить и обучаться добродетели, Кант объясняет в лучших традициях пиетистской школы, о которой он сам сохранил далеко не лучшие воспоминания. Существовавшая в школе практика постоянного слежения за своим внутренним состоянием, описания его, а также прочие упражнения такого же рода вполне могли бы привести к душевному нездоровью, как впоследствии размышлял сам Кант [11, р. 4]. Но поскольку особенность пиетистских школ состояла в атмосфере постоянной интроспекции и «испытания сердца», и необходимости

«научения воли», в школе, несмотря на все протесты молодой души, Кант не только получил образование, но и научился отслеживать внутренние порывы, получив понятие о дисциплине, порядке и долге. Неудивительно, что первой методикой на пути обучения добродетели Кант называет катехизический метод [6, с. 235]. Катехизис, широко распространённая школьная технология Средневековья и Нового времени, ныне почти забытая в светских учебных заведениях, в форме простых наставлений и вопросов формулирует основные идеи учения, в данном случае, морального. Кант даже приводит образец такого катехизиса, отводя учителю роль зеркала, которое лишь позволяет ученику увидеть собственное лицо – но зеркала чистого, «где он может рассматривать самого себя не иначе как с величайшим восхищением изначально присущими ему задатками, и впечатление от чего никогда не изглаживается» [6, с. 245]. Каким же при этом должен быть сам учитель? Поведение его должно быть образцовым, однозначно говорит Кант [6, с. 237]. Он должен подчёркивать важность веры в Бога, уметь внушить надежду, когда спекулятивный разум оказывается бессильным, приобщить к интересу нравственности [6, с. 243–247]. Пример учителя служит, по выражению Канта, техническим средством образования к добродетели – потому, что подражание может быть только доказательством исполнимости того, что сообразно с долгом. Не сравнивать ученика с другим человеком, хотя бы и добродетельным, хотя бы и с собой, а только с идеей человечества, с законом – вот мерило воспитания [6, с. 237], но в таком случае не только ученика, но и самого себя. Что же значит для учителя такая «забота о себе», к которой он побуждает, и чем должно быть это занятие для него самого [8, с. 20] – стало быть, вопрос о позиции учителя в этом «занятии собой» должен решаться самим образом жизни учителя.

Теперь прочтение «Метафизики нравов», да и всей моральной доктрины Канта обращается для нас в руководство по подготовке учителей, в зеркало которого мы смотримся и видим черты, отражающиеся с позиции «королевского места» – черты самого Канта, столь же архетипические, сколь и реальные. Канта всегда восхищали люди, придерживающиеся строгой дисциплины в быту, например, он вспоминал об идеальной честности и порядочности родителей, их размеренном и регламентированном образе жизни [11, р. 2]. Известно и о скромном образе жизни самого Канта, и о его пунктуальности, которая была его характеристикой до самого последнего дня – и мы видим Канта-педанта, кабинетного учёного. Целомудрие Канта-отшельника перекликается со святоотеческими представлениями о попечении о себе, в котором безбрачие

является первым условием, но при этом Кант славился как привлекательный и любезный человек, не чурающийся общения с дамами. Вспоминая «добродетельного Эпикура», сам Кант в основание моральной аскетики ставил как отличительную и определяющую черту «неизменно радостный дух», бодрость и радость духа при выполнении своих обязанностей [6, с. 247]. Возникает образ ещё одного Канта – «античного» мудреца, окружённого почитателями и учениками, которые в его присутствии и его примером побуждаемы непринуждённо беседовать (*parrhêsia*), как в эпикурейском кружке [8, с. 420–421]. Атмосфера дружбы, равенства, достоинства, «словно бы братья, подданные общего отца, желающего всем блаженства» порождает гражданина мира всеобщего уважения и любви, по-настоящему культурного человека, который принимает эстетическое участие, то есть, сорадование в благе всех людей [6, с. 227], стоит за друга, но и сам рассчитывает на его помощь в деле спасения, ибо «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин.15:13).

Список литературы

1. Новичкова, Г.А. Актуальность педагогических идей Иммануила Канта / Г.А. Новичкова // Знание, понимание, умение. – 2008. - № 1. – С. 94–98.
2. Кант, И. Сочинения на немецком и русском языках: в 5 т. Метафизика нравов: в 2 ч. Т. 5. Ч. 1: Метафизические первоначала учения о праве / И. Кант; пер. с нем. / Под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. – 1120 с.
3. Кант, И. Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6. Религия в пределах только разума / И. Кант; пер. с нем. / Под общ. ред. А. В. Гулыги. – М. : ЧОРО, 1994. – 613 с.
4. Мамардашвили, М. К. Кантианские вариации / М. К. Мамардашвили. – М. : Аграф, 2002. – 320 с.
5. Соловьёв, В. С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. Три разговора / В. С. Соловьёв / Общ. ред. и сост. А. В. Гулыги, А. Ф. Лосева. – М. : Мысль, 1988. – 822 с.
6. Кант, И. Сочинения на немецком и русском языках: в 5 т. Метафизика нравов: в 2 ч. Т. 5. Ч. 2: Метафизические основные начала учения о добродетели / И. Кант; пер. с нем. / Под ред. Н. В. Мотрошиловой, А. Н. Круглова, Б. Дерффлингера, Д. Хюнинга. – М. : Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. – 488 с.
7. Федичева, К. В. Забота о себе: философский, онтологический и этический аспекты / К. В. Федичева // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2010. – № 3. – Т. 2. – С. 136–144.

8. Фуко, М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / М. Фуко; пер. с фр. А. Г. Погоняйло. – СПб. : Наука, 2007. – 677 с.

9. Рындин, Д. Г. Мераб Мамардашвили: событие мысли и педагогическая практика / Д. Г. Рындин // Высшее образование в России. – 2019. – №1. – Т. 28. – С. 104–118.

10. Фуко, М. Слова и вещи / М. Фуко; пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. – СПб. : А-сэд, 1994. – 407 с.

11. Anderson, P. S., Bell, J. Kant and Theology / P. S. Anderson, J. Bell. – London, 2010. – 87 p.